

Бочоришвили К.

228

ПОДУМАЕМ О БЛИЖНЕМ

— Интернат для слепых? Не знаю.
— Где-то здесь. Точно сказать не могу...
— Спросите у стариков...
И только в шестой раз на вопрос удалось получить ответ. Старичок проводил прямо до калитки. Она почти выходила на улицу Шаумяна.

— Я давно здесь живу, в этом районе. Работаю напротив. Честно говоря, не помню, чтобы меня об интернате кто-нибудь спрашивал.

Вот так — живем, работаем, бежим мимо, не взглядывая на вывеску, где еще старым, дореволюционным шрифтом выложено: «Школа для слепых основана в 1889 г. Здание построено в 1900 г.». Не заглядывая за решетки ворот, за забор, отгораживающий от нас мир детей, ограниченный слепотой.

Но... Здоровый не виноват в том, что он здоров, слепой — в том, что он слеп. Вряд ли стоит сегодня снова смаковать тривиальную тему о людском равнодушии, эгоизме. В конце концов, каждый имеет право на свою личную совесть. Да и что, возразят мне, каждому, кто проходит мимо, заходить и выражать сочувствие? Или каким другим способом можно выразить свое участие?..

Не знаю, трудно сейчас сказать, в какой степени и как конкретно может выражаться наше участие, но, думаю, рассказать о тех, кто и как работает за стенами этого здания, — надо. И это многое для нас должно прояснить...

Здесь есть педагоги и врачи, которые в силу сложившихся обстоятельств ушли отсюда, но возвращались при первой же возможности. Есть и такие, которые предпочли лучшим должностям скромное место в интернате для слепых. Многие ухит-

ряются совмещать свою основную работу с недюжинной помощью интернатским воспитанникам. И нет в работе этих людей насилия над собой, вынужденности проявлять милосердие, они спросили с ним — все делают просто и естественно.

Без природных качеств — терпеливости и чуткости — сюда лучше не приходить, как, впрочем, и в любую школу. Только здесь они нужны для другого: не успокаивать и урезонивать, а вызывать к жизни, расшевеливать. Попробуйте, например, если вы педагог-новичок, удержаться от неверной реакции, когда в момент знакомства многим из них захочется пощупать ваше лицо, чтобы узнать, красивы ли вы, ткань платья, потрогать кольцо или сережки. Хотя в стремлении обо всем иметь представление и здесь не все одинаково: тем, у кого слепота врожденная, генетическая, проявлять активность психологически гораздо сложнее — слишком невелик шанс что-то себе представить. Зато те, у кого она приобретенная или есть остаточное зрение, неутомимы в своем

желании услышать побольше.

Учебный процесс так же, как и быт, к чести дирекции и тех же педагогов, налажен максимально. Восхищаться и удивляться по этому поводу стыдно, — так должно быть, хотя бывает не везде. Но дело не в этом. Казалось бы, при всем наличии материальной базы, технических средств, наглядных пособий и желать больше нечего, а многие педагоги все пытаются как-то усовершенствовать методику преподавания, как-нибудь облегчить детям нелегкий процесс восприятия, усвоения знания, и ставку в процессе обучения, конечно же, делают на дополнительные возможности

слепых детей. Книжки со шрифтом, который выработал в начале прошлого века француз Бразль, рельефные наглядные пособия и проигрыватели с пластинками — вот нехитрая атрибутика, на которой, практически, и строится учебный процесс. Ею может пользоваться и Алина Гоциридзе, педагог биологии, но ко всему — она разработала магнитный принцип табельных изображений биологических понятий, довольно оригинальный: к муляжам, скажем, грибов она крепит магнитные пластинки, которые притягивают их к железной доске. Ребята запоминают их расположение и таким образом легко усваивают биологическую схему видов. Это гораздо легче запомнить, чем простую расчерченную схему. Принцип отмечался дипломами на республиканском и всесоюзном педагогических чтениях.

Любую тему Алина Гоциридзе сопровождает музыкой. Объясняет влияние смены времен года на флору и фауну — включает пластинку с записью «Времен года» под тарантеллу... рассказывает о паукообразных (оказывается, итальянцы после укуса паука тарантула танцуют до седьмого пота, и с ним из организма выходит яд).

Да и вообще, музыка в интернате в большом почете. Почти во всех кабинетах есть проигрыватель, в фонолаборатории, своеобразной библиотеке — большая коллекция пластинок (здесь ребята слушают, закрыв глаза, как от света, положив голову на руки и опершись на парту), а пианино, которое стоит в зале, на переменах и в свободные часы никогда не пустует. Репертуар: от «Феличита» до подобранных по слуху этюдов Черни.

В каждом классе — не больше 7-8 человек. За урок можно поработать с каждым в отдельности — потому, наверное, отношения здесь между детьми и взрослыми предельно теплые. Педагоги говорят: главное для слепых детей — ощутить свою полезность. Грозящее в будущем иждивенчество — самое тяжелое, что им приходится загодя переживать. Поэтому каждый рад, насколько это возможно, принести уже сейчас хоть какую-нибудь пользу. На уроках труда у Заури Пхиклешвили, скажем, сделать побольше одежных щеток, деталей для сигнализации или машинных фильтров.

Но есть еще одно занятие, которое, несомненно, помогло бы преодолеть страх перед возможностью будущей незанятости: с 1977 года, используя блестящие

осозательные способности пальцев слепых, врачи из Института усовершенствования врачей обучают старшеклассников искусству массажа, а после окончания школы выдают свидетельство, разрешающее им практиковать. Могло бы, если б не одно обстоятельство: из всех выпускников, как мне сказали в Министерстве народного образования ГССР, только один сумел трудоустроиться — в Телави. И все. А Министерство здравоохранения республики, к которому неоднократно обращались с этой просьбой, и в ус не дует.

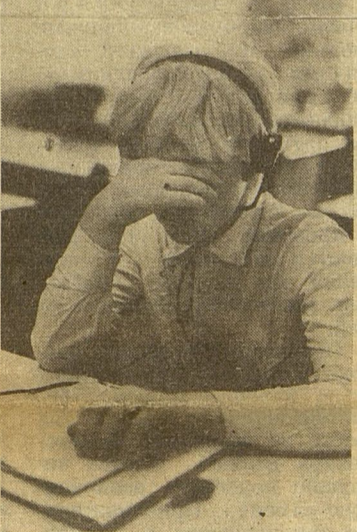
— Интернат наш — один на всю Грузию, — рассказывает директор Русудан Андруладзе, — тем не менее больше семидесяти детей здесь давно не бывало, и этому, наверное, только радоваться. И сейчас у нас учатся только 56 ребят. Практически проблем с трудоустройством у нас быть не должно, тем более, что максимально помогает Президиум общества слепых — занимается выпускников в учебно-производственном объединении «Поничала».

А вот массажисты... Наверное, это особенно тяжело и жестоко после таких тепличных, почти идеальных интернатских условий поставить их лицом к лицу с реальными трудностями. Лучше, чем медикам, это никому не известно...

... По двору слепые дети ходят стайкой — по три-четыре человека. Как правило, трое из них с абсолютной слепотой, один видит на мизерный процент. Он — поводырь.

Но это — пока они в пределах интерната. А окончат его, выйдут за калитку, и где им, если не среди нас, искать поводыря?..

К. БОЧОРИШВИЛИ,
Г. ЦАГАРЕЛИ
(фото).

«Молодежь Грузии»
Г. Тбилиси

20 СЕН 1988